

● ЛЮДИ ИСКУССТВА

Евгений ЛЕБЕДЕВ:

„Артист — это исследователь“

«Звездой первой величины» Ленинградского Большого драматического театра без преувеличения можно назвать народного артиста СССР Евгения Алексеевича Лебедева. Без него не могли бы родиться и жить на этой сцене «Мещане» Горького — спектакль, признанный не только советскими зрителями, но и за рубежом, «История лошади» («Холстомер») по Льву Толстому, где он создает неслышанно дерзкий для сценического воплощения образ.

Лебедев — актер уникальный. Предельная выразительность, точность слова, интонации, позы, взгляда, соединенные с фантастической наблюдательностью, умением проникать в сущность человека, его внутренний мир, дают удивительные результаты. С Е. А. Лебедевым беседует журналистка Ирина Молчанова.

— Ваш театр, Евгений Алексеевич, отличается приверженностью к классике. Что вам как актеру дает работа с такой литературой?

— Великая литература во многом питает артиста. Например, играя Рогожина в «Идиоте» Достоевского, я десять лет занимался изучением творчества писателя, и это для меня была настоящая школа человеческого опыта. Необычайный мир открыл для меня Горький — 15 лет я работал над «Мещанами», уже семь лет «со мной» Лев Толстой. Долгое время я работаю над образом короля Лира, думаю о нем постоянно.

Так складываются, оттачиваются, развиваются образы моих героев, так я приближаюсь к постижению их характеров, к познанию человека вообще.

— Расскажите о вашей последней работе над классическим материалом — чеховским Серебряковым в «Дяде Ване».

— Я стремился показать Серебрякова неоднозначным.

Мне хотелось, чтобы мой основной профессор был не только смешон и надоедлив, но и вызывал самые разнообразные чувства, вплоть до жалости, любви. Ведь, по сути, он добрый и несчастный человек, в нем нет жестокости, для него — она в других, когда он постарел, стал лишним, никому не нужным, поэтому так сильно его желание вызвать сочувствие, сострадание.

— Как вы сохраняете живой роль в спектаклях, которые идут уже 10—15 лет?

— Мой внутренний монолог на каждом спектакле разный, он зависит и от партнеров, и от токов зрительного зала, и от моих собственных ассоциаций, возникающих по ходу действия. Когда есть новая оценка — на каждом спектакле иная, то интереснее строится конфликт. В спектаклях нашего театра всегда предполагается импровизация, не бывает раз навсегда заданного. Для меня лично спектакль —

живой, чуткий организм; он всегда разный...

— Как, на ваш взгляд, должны складываться отношения актера и режиссера в работе над спектаклем?

— Им необходимо не просто понимать друг друга — в процессе работы над постановкой они должны стать близкими по духу людьми. У них могут быть творческие разночтения, даже ссоры, но в главном они должны быть солидарны — в выражении основной идеи спектакля.

У нас в театре преобладает тип артиста-сотворца спектакля. Способ работы над пьесой особый: импровизация здесь обязательна, но не вообще, а по существу, на данную тему. Именно импровизация помогает не заштамповывать раз найденные взаимоотношения. Кроме того, она создает творческую раскрепощенность.

— Каким должен быть, по вашему мнению, современный актер?

— Я для себя различаю два понятия — актер и артист, хотя в нашей речи они стали синонимами. Для меня существует четкая разница: актер — это исполнитель чужой роли, артист же — сотворец, исследователь, который вкладывает в пьесу собственное «я». А для этого надо уметь читать жизнь, учиться ее анализировать... Жизнь — лучшая школа для художника, и настоящий артист — вечный ее ученик.